

Инициацию шамана на севере называют по-разному: «Чума», «Каньсян» или «Чутан». Всё это — осколки древнего шаманского культа, который зародился в незапамятные времена, а затем пустил глубокие корни на нашем холодном северо-востоке, превратившись в уникальное колдовское учение.

В наших краях таких людей величают запевалами, хранителями кадила или предводителями призрачных ратей. На юге говорят иначе: «сбросить оболочку», «занять престол» или «накрыть стол». Имён у этого ремесла великое множество, но суть одна: избранный преемник — его ещё называют «земным проводником» или «конем для духов» — становится главой целого незримого ведомства, обители бессмертных. Через него духи говорят с миром, исцеляют недуги и распутывают чужие беды.

И вот теперь мне, Чжоу Дачуаню, этим знойным летом на пороге своего восемнадцатилетия предстояло пройти через главное испытание в жизни — пройти Чуму и официально стать шаманом-практиком.

Но прежде чем духи признают тебя своим «конем», нужно, чтобы домашний призрак открыл в твоём теле семь застав — чувственных каналов. Домашние призраки — это покойные предки. Те, кто умер насильственной смертью или сгинул безвинно, чья душа, ухватившись за обиду и гнев, не смогла уйти на перерождение. Скитаясь по загробному миру или ища иные пути, они в конце концов обретают силу и становятся духами-небожителями. У нас мужчин-призраков зовут «чистыми ветрами», а женщин — «табачными призраками». Как правило, именно такой могущественный предок возглавляет призрачное крыло будущего шаманского святилища, становясь его Главой Чистого ветра.

Вслед за этим в дело вступает Бессмертный Жёлтый — дух-куница. Он должен пробить твои меридианы и каналы, чтобы выгнать остатки иньской энергии, которую неизбежно оставляет после себя призрачный воевода. Если эту ледяную скверну вовремя не убрать, тело живого проводника долго не протянет.

Через три дня после того, как мы обо всём договорились с родителями, Ху Линлин исчезла на рассвете. Как шепнула мне Лю Чжэньюань, она отправилась за моим Главой Чистого ветра, чтобы уже сегодня ночью начать пробивать мне духовные заставы.

От этих мыслей меня попеременно бросало то в жар, то в холод. С одной стороны, внутри всё сжималось от страха: бабка рассказывала, что раскрытие каналов — адская мука, которую редкий человек способен вынести без крика. С другой — кровь бурлила от предвкушения. Ведь моим покровителем должен был стать кто-то из моих собственных предков. Мне до безумия хотелось узнать, кто же он.

Сколько помню, дед в детстве часто баловал меня рассказами об истории нашего рода. По его словам, среди наших предков хватало и великих книжников, сдавших столичные экзамены, и грозных полководцев, водивших в бой целые армии.

Кто же ко мне придёт? Я ломал голову с самого утра и до позднего вечера. Только часам к

восьми спохватился: а ведь дорогого гостя полагается встретить как подобает! Нужно же приготовить для моего Главы Чистого ветра какое-то угощение, выпивку и закуску.

Когда я спросил об этом Лю Чжэньюань, она лишь закатила глаза и одарила меня полным презрения взглядом:

— Только опомнился? А раньше-то о чём думал, голова садовая?

Ясно — надо срочно накрывать поляну. Я вихрем ворвался в кухню и принялся потрошить холодильник. Отец, заметив мои судорожные поиски, сначала решил, что у меня опять разыгрался аппетит, но, выслушав сбивчивое объяснение про визит великого предка, тут же отвесил мне увесистый подзатыльник.

— И почему ты молчал до последнего?! — зашумел он, заметавшись по кухне. — Время-то уже сколько! А ну, хватай нож, режь свинину. Я сейчас мигом соображу сычуаньскую свинину хуйгожоу с чесночными стрелками, а ты пока нарежь коптилок и достань ту бутылку «Дацюаньюаня», что мы вчера открыли.

Мой отец с малых лет ходил с дедом в горы, чтобы прибрать могилы павших однополчан, так что к миру духов и покойников всегда относился с глубоким, молчаливым почтением.

— Олух ты неотёсанный, — ворчал отец, гремя сковородками. — Взрослый парень уже, а в голове один ветер. Скоро пройдёшь Чуму, к тебе в святилище всякая нечисть набьётся. Но только наш предок станет защищать тебя по-настоящему, как родную кровь! А ты даже не подумал встретить его по-человечески. Тьфу на тебя, зла не хватает!

Я и сейчас, зажмурившись, отчетливо вижу отца в тот вечер. Он суетился у плиты, хромая сильнее обычного. Из-за застарелой травмы ноги его некогда статный силуэт казался ниже, он сутулился, а его жесткий, усыпанный сединой ежик волос как-то щемяще по-детски топорщился на затылке. В горле до сих пор встает ком от этого воспоминания.

Вскоре ароматное блюдо из свинины, нарезанная кружочками колбаса и пачка солёного арахиса, за которой я пулей сбегал в ближайший круглосуточный, уже стояли у меня в комнате. Поставив глубокую пиалу, я насыпал в неё смесь из пяти злаков, воткнул три благовонные палочки и зажёл их, как учила Лю Чжэньюань, сотворяя подношение.

— Послушайте, а сколько их там придёт? — прерывистым шепотом бормотал я, пытаюсь унять дрожь в руках. — Я всего три стопки поставил, вдруг на всех не хватит?

Стрелки часов неумолимо приближались к девяти. Нервы были на пределе, и я, чтобы хоть как-то заглушить панику, нёс полную околесицу, обращаясь к притихшим в углу Хуэй Сяобао и Лю Чжэньюань.

— Спиртное — это хорошо! — внезапно прогремел у меня за спиной густой, рокоchущий бас.

Прежде чем я успел сообразить, что происходит, из полумрака протянулась мощная рука, затянута в чеканный серебряный наруч. Она бесцеремонно сцапала со стола бутылку крепкого «Дацюаньюаня» и поднесла к лицу. Послышался жадный, залихватский глоток.

Я оцепенел. Медленно, словно несмазанный механизм, я повернул голову.

Посреди моей тесной спальни возвышался настоящий исполин — ростом никак не меньше двух метров. На нём красовался тяжёлый доспех из чистого золота, отливающий кричащей, почти варварской роскошью. В одной руке великан сжимал длинную боевую пику, а другой лихо опрокидывал в рот бутылку прямо из горлышка.

Батюшки... Да ведь это же тот самый дядька в золотых латах, которого я мельком видел ещё в десятилетнем возрасте!

— А ты хорош, малец, — одобрительно хмыкнул грозный воин, утирая губы тыльной стороной ладони. — Помнить долг и чтить стариков — благородное дело. Знать, не зря я в своё время лично спускался в мир теней, чтобы отбить твою заблудшую душонку и вернуть её в тело.

— Так вы... дят... великий предок, вы и есть мой Глава Чистого ветра?! — выдохнул я, едва обретя дар речи. — Прошу, присаживайтесь! Вот, угощайтесь, отец специально для вас мясо пожарил. И домашняя колбаса есть, мама сама мясо выбирала, чистый продукт, без всякой химии!

— Дачуань, какой он тебе «дят»? — раздался тонкий голосок Ху Линлин. Она высунула голову из-за широкой спины воина и строго посмотрела на меня. — По всем законам рода глава Чжоу приходится тебе прямым прародителем!

Услышав, что передо мной стоит мой собственный далёкий предок, я окончательно отбросил страх и расплылся в улыбке:

— О, тогда добро пожаловать, досточтимый предок! Может, вы ещё чего желаете? Вы только скажите, я мигом организую!

Даже если дома шаром покати, не беда: у нас на первом этаже работает круглосуточная забегаловка для дальнобойщиков — там в любое время ночи сотворят хоть чёрта лысого на сковороде.

— Полно, этого более чем достаточно, — добродушно отмахнулся великан. — При жизни меня звали Чжоу Тун, а ныне в посмертии я зовусь Чжоу Цзюем. Недавно мы с твоим будущим наставником, Шестым господином Ху, побратались. Так что, поскольку тебе предстоит перенять его учение, зови меня просто Вторым наставником.

От такой хитрой генеалогии у меня слегка заплелись мозги, но радости это не убавило. Много ли вы знаете парней, которые могут вот так запросто посидеть и поболтать по душам со своим прапрадедом, явившимся прямо из глубины веков?

Когда тарелки опустели, Второй наставник велел мне лечь на кровать. Лицо его посерьёзнело.

— Вообще-то, открывать заставы можно двумя путями: мягким и жёстким, — пробасил он, глядя на меня сверху вниз. — По-хорошему, выбор должен оставаться за тобой. Но сроки поджимают, так что придётся идти по быстрому, суровому пути. Не бойся, парень, я постараюсь сделать так, чтобы ты не лишился чувств от боли.

В шаманском ремесле я кое-что смыслил и понимал, о чём речь. Мягкий путь растягивается на месяцы: каналы открываются постепенно, ты просто ходишь сонный, вялый и болезненный полгода, зато без диких мук. Жёсткий путь — это экспресс-метод. Адская, неопишуемая боль, выворачивающая суставы наизнанку, но зато за пару недель всё позади, а днём ты чувствуешь себя вполне сносно.

Будь моя воля, я бы без раздумий выбрал мягкий вариант — шкура-то у меня одна, и терпеть пытки не очень хотелось. Но время поджимало нещадно. Не являться же мне на первый курс университета бледной, шатающейся от ветра немочью.

Я зажмурился и стиснул зубы, пытаюсь подготовиться к худшему. Но боги мои, то, что началось дальше... Это было не просто больно, это был сущий ад! Говорят, роды — это высшая степень человеческой боли, превосходящая перелом рёбер.

Мои рёбра были целы, но казалось, будто каждую косточку в моём теле методично, одну за другой, выламывают плоскогубцами. Время превратилось в липкую, бесконечную смолу. Я отчётливо слышал, как внутри меня с сухим, жутким треском рвутся и перестраиваются невидимые нити. Когда волна безумия наконец начала отступать, мне показалось, что прошла вечность. На деле же стрелки часов сдвинулись всего на полчаса.

Потом я провалился в беспамятство.

Мне снилась какая-то муть — вязкая, изнуряющая лихорадочная чушь. То я снова сижу за партой в выпускном классе перед горой нерешённых задач и вою от бессилия, то иду на свидание с прекрасной незнакомкой. Со спины она кажется неземной музой из художественной студии, но стоит ей повернуться ко мне лицом — и я с ужасом узнаю нашу старосту: в нелепых очках и с торчащими кроличьими зубами.

Очнулся я только на следующий день. Голова гудела. Кое-как поднявшись с постели, я на неслушающих ногах вышел в гостиную. Отец с матерью сидели рядышком на диване и с каменными лицами гипнотизировали телевизор, где шла какая-то унылая реклама, которую они прежде терпеть не могли.

— Проснулся наконец, соня! — подпрыгнул отец, едва завидев меня. — Время десятый час! Ну как ты? Что там ночью было? Рассказывай давай!

Мать оказалась куда практичнее. Она молча подошла, бесцеремонно схватила меня за плечи, повертела из стороны в сторону, осматривая с ног до головы, после чего брезгливо сморщила нос:

— Марш в душ. От тебя разит как от старого козла.

Я удивлённо моргнул, принялся к собственному плечу и чуть не взвыл. Пресвятые предки, ну и амбре! Дикая, удушливая смесь застарелого пота и какой-то болотной гари. Настоящий «запах брутального самца», чтоб его.

Я пулей влетел в ванную, до красноты отскрёб кожу мочалкой и переоделся во всё чистое, а вонючие шмотки зашвырнул в стиральную машину.

Наведя марафет, я вернулся в гостиную и за чашкой чая без утайки выложил родителям всё, что произошло ночью. Когда я дошёл до имени нашего гостя, отец с силой хлопнул себя по колену:

— Точно! Всё сходится! Это наш, наш предок! Я же помню, мне дед в детстве про него рассказывал!

Я наморщил лоб, пытаюсь отыскать в закромах памяти хоть какое-то упоминание о Чжоу Туне, но тщетно. Дед правил сотни историй, но такого имени я от него не слышал.

— Да ты и не мог слышать, — махнул рукой отец. — Дед-то твой занемог и ушёл раньше времени, не успел тебе всю историю рода поведать. У нас ведь и родословная книга имеется, она у твоего старшего дедушки, Чжоу Доуцзяо, хранится. Надо будет как-нибудь съездить, полистать. Но имя Чжоу Туна там точно записано!

Глаза отца загорелись гордостью:

— Этот наш старик, оказывается, настоящим героем был! В шестнадцатом веке под началом самого Ци Цзигуана воевал, японских пиратов громил! Пацаном ещё на службу ушёл. Наша семья тогда к военному сословию принадлежала — у них там, при династии Мин, это «цзюньху» называлось, пожизненная солдатская доля. Вот он из простых ратников и выбился в офицеры, целым помощником воеводы стал!

Ничего себе! Выходит, наш род соприкасался со страницами великой истории.

Узнав, что оберегать меня вызвался сам великий предок, домашние заметно приободрились. А вот для меня следующие две недели превратились в непрекращающееся чистилище.

Как только семь застав были пробиты, настал черёд очищения меридианов. Для этого дела выписали тяжёлую артиллерию — самого Третьего господина Хуана, известного в наших краях как Хуан Тяньба. О его благородстве и щедрости слагали легенды: этот лихой воитель из клана кунных всегда стоял горой за правое дело, имел кучу друзей от южных морей до северных скал и пользовался бешеной популярностью среди молодёжи.

Каждый раз, когда Третий господин Хуан принимался за мои многострадальные жилы, в комнате собиралась вся честная компания: Хуэй Сяобао, Лю Чжэньюань и Ху Линлин. Пока я корчился на кровати от боли, эти трое преспокойно попивали пиво в углу, травили анекдоты и чувствовали себя превосходно. Глядя на их довольные физиономии через пелену слёз, я окончательно уяснил одну простую истину: эти ребята — идеальные спутники для весёлой попойки, но в беде от них помощи не дождёшься.

Шестой господин Ху — мой будущий учитель — назначил день великого посвящения на двадцать первое число седьмого лунного месяца. По его расчётам, небо в ту ночь должно было быть чистым как слеза, являя взору благосклонные звёзды и луну. Идеальное время для свершения великих дел.

Однако перед этим мне нужно было решить одну важную задачу: найти толковых людей, которые помогут составить списки духов-вестников и выступят в роли моих запевал. У нас на Северо-Востоке таких помощников называют «эршэнь» — вторыми шаманами. Они бьют в бубен и призывают бессмертных в наш мир, пока главный медиум пребывает в трансе.

До этого момента наша семья, если не считать покойную двоюродную бабушку, никогда плотно не общалась с оккультными кругами. А ведь основание собственного святилища — дело тончайшее, здесь халтура не прощается. Допустишь хоть малейшую оплошность во время ритуала — и пиши пропало. Вся дальнейшая практика пойдёт наперекосяк, духи разбегутся, и никакого накопления духовных заслуг тебе не видать.

За советом я обратился к своему новоиспечённому учителю — кому, как не ему, знать все тонкости этого дела. Шестой господин Ху выслушал мои причитания с самым невозмутимым видом:

— Дельный писарь для храмовых свитков тебе и впрямь понадобится, — небрежно бросил он. — Ладно, не суетись. Я пришлю к тебе нужного человека, он сам с тобой свяжется. Твое дело — подготовить утварь для алтаря.

Поняв, что главная головная боль снята заботливой рукой наставника, я вздохнул с облегчением. Остальное — сущие пустяки. На следующий же день я прихватил под мышку Хуэй Сяобао с Лю Чжэньюань и отправился в самый большой торговый центр города за покупками.

Нам требовалось уйма всего: рулоны красной и узорчатой ткани строго определённой длины, ритуальная бумага, столик для подношений, курильницы, лаковые блюда для фруктов и ещё куча всякой ритуальной утвари. В итоге этот поход облегчил мой карман почти на две тысячи

юаней.

Я старался выбирать вещи качественные, чтобы служили долго. Деньгами меня снабдил отец, заявив с важным видом, что сейчас наша семья не бедствует, так что эти траты он рассматривает как «стартовый капитал для моего малого бизнеса». Сейчас вспоминаю это и невольно улыбаюсь — а ведь батя у меня мужик прогрессивный.

Но судьба обожает преподносить сюрпризы. Буквально за пару дней до назначенного срока от Шестого господина Ху пришла весть: ритуал откладывается на месяц.

Я прикинул даты в календаре и тоскливо вздохнул. Ну замечательно! Значит, сначала мне придётся пережить обязательную студенческую военную подготовку, и только потом я смогу наконец открыть своё святилище.

<http://bllate.org/book/20253/2122033>